

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю — один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Явно хощем,
Знаю — один
Мне равномощен.

В мире, где все —
Плесень и плющ,
Знаю: один
Ты равносущ
Мне...

М. И. Цветаева
«В мире, где всяк...»

Глава I

Трудный был сегодня день. Но разве бывают легкими дни при такой эмоциональной нагрузке? Никто ж не станет спорить, что хлеб учительский нынче не сладок. Ой, не сладок... И даже горьким бывает и вообще несъедобным. И все равно его пробуешь на вкус каждый день... Как бы там ни было. Иногда хочется обратно выплюнуть, а нельзя...

Аня вздохнула, поежилась от холодного ноябрьского ветра, прибавила шагу — не подхватить бы простуду, не дай бог. С утра вроде солнце всю светило, а к вечеру такая противная снежно-дождевая хмарь образовалась, сыплет с неба это безобразие на голову и сыплет... Вон, куртка уже промокла совсем. Говорила ведь мама: «Надень теплое пальто с капюшоном, к вечеру погода испортится!» Зря она ее не послушала. Зря. Мама все погодные капризы сразу на себе чувствует и всегда точные прогнозы дает. Мои, говорит, ноги, доченька, лучше любого барометра работают,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

никогда не обманут. Опять болели всю ночь... Вот же странно, а? Ноги у мамы давно уже не ходят, а к непогоде исправно болят... Она даже у врачей спрашивала — может, мамина обездвиженность не так уж и безнадежна? Но они ей объяснили, что это не настоящая боль, а так называемый синдром фантомной боли. Не ждите, мол, ваша мама уже не встанет на ноги. Инсульт и преклонный возраст сделали свое дело, надо смириться.

Какое слово трагическое — преклонный... То ли надо преклоняться перед этим возрастом, то ли он сам вынужден перед жизнью преклоняться. И не поймешь...

Из бело-дождевой хмари вынырнула подвижная фигурка, знакомый голосок прозвенел испуганно:

— Ой, Анна Пална... Здрасьте...

— Снегирев! Сережа! А ну погоди... Да постой же, кому говорю, слышишь?

— Что, Анна Пална? Я тороплюсь вообще-то... Мамка в магазин за хлебом послала...

— Ты почему сегодня в школе не был, Снегирев?

— Так я это... Приболел я... Мамка сказала — дома посиди... А я мамку вообще-то слушаюсь, как она говорит, так и делаю.

— И потому мама тебя по такой погоде в магазин отправила, да? Нечаянно вдруг приболевшего?

— Ну да... А чего такого-то? Нельзя, что ли?

Зимняя рябина

— Опять врешь, Снегирев? Я ж знаю, почему ты сегодня в школу не пошел. Твой девятый «Б» сегодня сочинение по «Войне и миру» писал... Я правильно тебя поняла, да, Снегирев?

— Ну... Как бы это сказать...

— Прямо сказать, Снегирев.

— Ну... Вы сами подумайте, Анна Пална... Зачем мне еще одна двойка за сочинение, а? Вы ж мне и так за первую четверть двойку вывели... Я что, виноват, что у меня эти ваши сочинения не получаются? Не мое это, Анна Пална. Не мое. Не умею я словами всякими фигурировать, все эти ваши Болконские с Безуховыми мне до лампочки. Неинтересно мне это, понимаете? А если нормальному человеку что-то неинтересно, то это у него и не получается. Что тут непонятного, Анна Пална?

— Очень жаль, что тебе неинтересно... Ты ведь сейчас и в мой огород кинул камушек, Снегирев. Стало быть, это я плохо тебя научила, не привила интерес к литературе.

— Да не... Вы хорошая учительница, вас ребята уважают, вы не думайте. Особенно девочки, ага. Им ведь это ближе, чтобы уметь красиво слова складывать. А пацанам... Пацанам не пристало как-то... Интересу нет, я ж говорю...

— Просто читать надо больше, Снегирев, развивать себя. Вот какую книгу ты сейчас читаешь, скажи?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да некогда мне книжки читать, дел по хозяйству много. Да и надо мамке помочь... Мамка вон книг тоже не читает, и ничего, живет как-то. И я проживу.

— Да, проживешь, конечно. Но смотря как проживешь...

— Это вы сейчас про богатый духовный мир станете мне говорить, правильно?

— А что за ирония в голосе, Сережа? Обидно даже за тебя, правда... Ведь ты не глупый мальчик, ты можешь... Да ты только попробуй, начни читать, и я уверяю тебя — обязательно увлечешься! И тогда интерес появится, понимаешь?

— Да не, не появится... Что я, себя не знаю? Я лучше пойду, ладно, Анна Пална? Холодно сегодня... А в школу я завтра приду и сочинение готовое принесу, обещаю.

— Да знаю, какое ты мне принесешь сочинение... Из интернета сворованное... А ребята сегодня сами писали, между прочим. Головой думали. Никто ниоткуда не списывал.

— Ага... И вы опять кучу двоек наставите, я ж знаю. Не, Анна Пална, я на такое не подписываюсь... Не...

— А если я твою мать в школу вызову, Снегирев? Это лучше будет?

— Да вызывайте на здоровье, мне разве жалко? Что я, мамку свою не знаю? Придет домой, проорется. И все. Потом поплачет еще, конечно... Про отца вспомнит, который нас

Зимняя рябина

бросил... Хотя какая связь, казалось бы, да? Где тот Болконский и где мой отец, которого я уж три года не видел? А у мамки вечно так... Если меня ругают, сразу отец виноват... Ладно, я побегу, Анна Пална, замерз совсем!

Снегирев шустро кинулся прочь, и она только руками развела — ну как, как с ним еще разговаривать? И ведь относительно матери прав, стервец... Никак она на него повлиять не может. Да и никто не может, если на то пошло. Вот и получается, что она свой учительский хлеб не отработывает. И не ее это вина, наверное... Просто время сейчас такое. Прежние учебные заповеди отвергаются, а новые еще не изобретены. И милые сердцу литературные образы тоже заменить пока нечем. Да и вряд ли можно будет их заменить... Но кто его знает, кто знает! Может, в школах будущего и станут вместо образа Пьера Безухова подвиги Гарри Поттера анализировать? Не приведи господь, конечно...

А непогода-то закончилась, кажется! Как-то враз взяла и закончилась. И даже хляби небесные чуть раздвинулись, выпустили на мокрую землю робкий солнечный луч. И красиво-то как кругом... Снег на ветках деревьев еще не успел растаять, стоят они в белом дыму, будто сами обмерли от восторга — смотрите скорее, любуйтесь, пока эта красота вниз не стекла... Особенно вот большая береза хороша. Только поэта Есенина сейчас и не хватает, он бы уж

ВЕРА КОЛОЧКОВА

точно воспел... У него это очень лихо получалось!

А что? И впрямь... Чем уральский поселок под названием Снегири хуже рязанского села Константиново? Очень даже хороший поселок, большой, людный. И название свое оправдывает — снегири в нем зимой и правда хозяйничают. И людей по фамилии Снегиревы здесь много, можно сказать, половина поселка — одни Снегиревы. И она тоже в девичестве Снегиревой была...

Да уж, была. Как давно это было — вспомнить страшно. Бегала в школу Аня Снегирева, росла на воле, потом в город уехала, замуж вышла. Была Снегирева, стала Воробьева. Потом в родной поселок пришлось вернуться волею судеб... Но про эту «волю судеб» лучше сейчас не думать — чего о ней думать-то? Лучше домой поспешать, там мама одна... Уже заждалась ее, наверное.

Прибавила шагу, перехватила из руки в руку сумку с тетрадками. Сегодня весь вечер придется сидеть, сочинения девятого «Б» проверять. То еще скорбное занятие, между прочим. И надо бы воздуха холодного-вкусного вдохнуть напоследок! Сейчас в свой переулок войдет и уже дома почти...

Открыла калитку и застыла на месте, не учуяв привычного движения со стороны собачьей будки. Никогда не бывало такого, чтобы Милорд радостно не приветствовал ее, не

Зимняя рябина

мчался навстречу, громыхая тяжелой цепью. Господи, да что с ним случилось? Аж сердце зашлось нехорошим предчувствием.

Подошла к будке, позвала тихо:

— Милорд... Дорогой мой... Ты чего там сидишь? Заболел, что ли? Ну же, выгляни, я хоть посмотрю на тебя...

Голос прозвучал жалко, почти с дрожью. Да и впрямь — страшно было подумать, что с Милордом что-то может случиться. Он ведь старый уже, давно свою службу собачью отслужил. А все равно страшно! Привыкла уже, что Милорд ее встречает всегда. А если встречает, жизнь вроде как в том же ритме идет. Все по заведенному порядку...

— Милорд... Ну же, покажись! Не пугай меня, а?

Чуть не заплакала, ей-богу. И Милорд, наверное, эту потенциальную слезливость в ее голосе учуял, выбрался из будки с трудом, глянул грустно — чего, мол, беспокоишь зазря? Не видишь, мне худо совсем?

— Живой... Ты живой, мой милый... Как хорошо... Чего ты пугаешь меня, а?

Села на запорошенное снегом крыльцо, и Милорд приковывал тут же, устроился рядом, положил голову ей на колени. И заскулил тихо и виновато — прости, хозяйка, прости... Видишь, мол, ослаб я совсем. Не могу больше... Вышел мой собачий век, прости...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ты что, помирать собрался, бесовестный? — проворчала нарочито недовольно, оглаживая собачью большую голову. — Не надо этого, милый, не надо... Как же я без тебя буду, сам подумай? Зайду во двор, и никто мне навстречу не выбежит... Да и как я маме скажу, если помрешь? Она ж горевать будет, сам знаешь... Начнет еще всякие аналогии проводить, что и ей тоже пора... В последнее время она знаешь как часто говорит об этом? Я уж придумать не могу, как эти разговоры в сторону уводить! Так что нет у тебя права помирать, дорогой Милорд, имей это в виду. Слышь меня? Понимаешь?

Милорд опять заскулил жалобно, и пришлось ругнуть себя за столь жестокое проявление эгоизма к бедному псу. Он и без того из последних сил из своей будки выкарабкался... А она ему — не смей, права не имеешь!

Вздыхнула, предложила участливо:

— Сосиску будешь, Милорд? Я в магазин по пути заходила, сосиски телячьи купила... Сейчас тебя угощу...

Милорд поднял одно ухо, склонил голову чуть набок. Ага, вот оно, волшебное жизненное лекарство — сосиска! А лучше две или три... Давай, хозяйка, потроши свою продуктовую котомку, если обещала! Может, у тебя там еще что-то вкусненькое завалялось?

Клацнул зубами — сосиска тут же исчезла в пасти. Потом еще одна. И еще...

Зимняя рябина

— Ну все, хватит! Думаешь, у меня их много, что ли? погоди, скоро я тебе поесть вынесу... Ну что, легче тебе стало, Милорд?

Пес поднялся на ноги, встряхнулся, глянул на хозяйку преданно — все в порядке, мол, поживу еще, не бойся!

— Ну вот и хорошо... — улыбнулась она ему грустно. — Молодец, Милорд... Служи... А я пойду, ладно? Там мама одна... Заждалась уже меня, наверное!

Мама сидела на постели, смотрела в окно. И сердце сжалось нехорошим предчувствием, как давеча у калитки, и пришлось быстренько загнать это предчувствие внутрь, проговорить бодренько:

— Ты чего лампу не включила, мам? Темно ведь... И телевизор не включила...

— Да ну... — тихо откликнулась мама, продолжая смотреть в окно. — Надоел уж мне этот телевизор... Вроде и жизнь показывают, а присмотришься — все суета. А за суетой и жизни не видно. Надоел... А без телевизора я сижу и сижу, сумерничаю, мысли всякие в голове перебираю...

— Какие мысли, мам?

— Да всякие, Нюлочка, всякие. Ноги мои давно не ходят, зато мыслей в голове много бродит. А раньше как-то наоборот было, знаешь... Чем больше беготни, тем меньше мыслей... Я вот думаю, помру я скоро, Нюлочка. Готовиться надо, пришла пора.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да ну тебя, мам! — отмахнулась она в сердцах, быстро проходя с сумкой на кухню. — Перестань, ради бога, и слышать этого не хочу!

А самой страшно стало. Поверила вдруг — мама сейчас не капризничает. Она вообще не была капризной, сносила свою обездвиженность на удивление спокойно, будто приняла ее как данность. Но вот сейчас... Показалось, что голос у мамы какой-то особенный. И что не надо отмахиваться сердито, а надо просто услышать ее и понять. Как бы страшно ни было, а надо услышать...

И еще... Это ж редкий случай был, чтобы она ее Нюрой называла. Знала, что ей ужасно не нравится это имя с детства. Как она сердилась на маму тогда за эту «Нюручку»!

— Не называй меня так, не называй, сто раз уже просила! И без того девчонки в школе дразнятся!

— Да как они на тебя дразнятся? Отчего?

— А сама не понимаешь, что ли? Так и дразнятся, что Нюрой зовут!

— И что? — пожимала мама плечами в недоумении. — Вполне нормальное имя... Да у нас полдеревни, помню, этих Нюрок было. И ничего...

— Ага! Полдеревни Нюрок-дурочек!

— Да отчего же дурочек-то? Все девки были красивые, справные, кровь с молоком! Ни одной дурочки промеж них не водилось!

Зимняя рябина

— Ну мам... Ну я же прошу тебя, правда... Не называй меня так, пожалуйста! У меня же нормальное имя есть — просто Аня...

— Ладно, ладно, не буду. Коль не хочешь, так и не буду.

— Обещаешь?

— Обещаю, ладно...

Мама и впрямь будто забыла про «Нюрочку», очень редко ее так называла, в особых случаях. Помнится, когда она объявила, что замуж выходит, мама всплеснула руками и проговорила тихо:

— Ой, Нюрочка... Только не ошибись смотри... Тот ли человек твой Ромка, не знаю... Хотя и отговаривать не буду — тебе с ним жить, а не мне...

Права была мама, теперь-то она это понимает. Не тот человек он. Жизнь сама показала — не тот... А Нюрочка получилась дурочкой — поверила.

И сейчас вдруг у мамы эта «Нюрочка» наружу всплыла. Не к добру... И все равно — не надо отчаиваться, надо бы постараться обойти все предчувствия стороной. Да мало ли что могло прийти маме в голову! Может, день сегодня такой неудачный! Надо поскорее его пережить, вот и все!

— Мам, сейчас ужинать будем, ты ж голодная, наверное! — произнесла бодро и громко, выкладывая продукты из пакета на кухонный стол. — Я сегодня зарплату получила, в мага-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

зин зашла, вкусенького купила! Слышишь меня, мам?

— Да слышу, слышу... — слабо откликнулась мама. — Зарплату, говоришь, получила? Ну, понятно... Стало быть, Матвейку пора в гости ждать...

Конечно, она уловила грустную иронию в голосе мамы. Мол, сынок твой только тогда приезжает, когда у мамки деньги есть. Да, все так... А с другой стороны — какой может быть спрос с Матвея, парень только-только институт окончил, еще не успел по-настоящему на ноги встать! Да и она сама ему помощь всегда предлагает... Матвей на этой помощи особо и не настаивает. Да и кто ему поможет, кроме матери? Отец, что ли? Как же, дожدهшься от него...

Подумала о бывшем муже, и настроение враз испортилось. Хотя его и не было особо, того настроения. А ведь каких-то три года назад все по-другому было! Все, все по-другому...

Три года назад они приезжали к маме в Снегири дружной семьей — она, Ромочка и сынок Матвейка. Ромочка тогда ее мужем был, а Матвей на третьем курсе политехнического учился. И мужа она называла только так — Ромочка. А отчего ж не называть ласково, если у них все хорошо было? Жили, сами себе радовались. Квартира в городе есть — Ромочке от бабушки в наследство досталась, машину хорошую купили, зарабатывали оба

Зимняя рябина

неплохо... Она в школе свой предмет вела, Ромочка у друга в бизнесе подвизался. И мамин дом в Снегирях они своей дачей считали, да и сама мама всегда говорила — это теперь ваша дача, распоряжайтесь тут как хотите. Можете второй этаж пристроить, можете на участке новый дом возвести... Участок большой, места хватит. Ромочка, помнится, так и собирался сделать, уже планы рисовал на бумаге, интерьер нового дачного дома придумывал. Увлёкся, глаза горели, новые идеи из него косяком так и перли...

А потом все прекратилось враз. Вся их налаженная счастливая жизнь прахом пошла. Аккурат в тот самый вечер и начала рассыпаться, когда им позвонила соседка из Снегирей и сообщила печальную новость — у мамы инсульт...

Они тогда сразу помчались в Снегири на машине, и Ромочка всю дорогу интересовался осторожно, что это за болезнь такая, инсульт, и чем для человека может обернуться. А она только плакала и отмахивалась от его вопросов — откуда, мол, я знаю! Я и сама ничего не знаю, я за маму боюсь... Вот приедем сейчас в больницу, и нам все скажут...

В больнице им ничего хорошего не сказали. Ничем не утешили. Оказывается, мама долго одна пролежала, пока ее соседка не обнаружила. И как дальше будет — можно только гадать. У каждого организма свои возможности...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Возможности маминого организма были вполне типичными для инсульта — возрастной интеллект сохранился, а ноги отказались функционировать напрочь. И тогда, как в таких случаях водится, встал перед ними неразрешимый вопрос — что делать, как быть? Ведь надо же что-то делать... Маму одну в доме не оставишь, и на чужого нанятого человека ее бросать не хочется, совесть дочерняя не позволит... Хотя у Ромочки относительно ее дочерней совести свои соображения были:

— Ну почему нельзя ту же соседку нанять, Ань, я не понимаю? Пусть приходит три раза в день, кормит ее, горшки выносит...

Последние слова Ромочка произнес так брезгливо, что и сам содрогнулся слегка. А ее эта брезгливость вывела из себя, аж задохнулась от возмущения:

— Да как ты можешь так говорить, Ром! Это же мама моя, ты что! Если тебе даже говорить об этом противно, то чужому человеку — уж тем более! Какая нанятая соседка, о чем ты?

— Ну не просто же так, а за деньги... — попытался оправдаться Ромочка.

— А ты сам... За деньги смог бы?

— Я — нет. Но ведь не обо мне речь, Ань!

— Да как раз о тебе... Я думала, моя мама тебе не чужой человек...

— Ну да, не чужой... Ты права, конечно. Только я не пойму... Ты сама-то что предлагаешь? Какой выход из ситуации видишь?

Зимняя рябина

— Да очень простой, Рома. Надо маму к нам перевозить, в городскую квартиру. Я сама за ней буду ухаживать, не бойся, тебя не заставлю.

— То есть как это... В квартиру? Вот прямо сюда, к нам, что ли?

— А у нас разве еще одна квартира есть?

— Но я же серьезно тебя спрашиваю, Ань... Как ты себе все это представляешь? У нас же две комнаты всего... Куда мы ее поселим? В нашу с тобой спальню? Или в комнату Матвея? Пусть его студенческие друзья порадуются такому соседству, ага... Они ж к нему толпами ходят...

— Ничего, потеснимся как-нибудь. Другого выхода нет.

— А вот не надо за меня решать, Ань, есть у нас другой выход или нет! Не надо моей жизнью распорядиться. И жизнью Матвея тоже! Уж будь добра, ищи-ка ты другой выход!

— Какой, Ром? Маму в дом инвалидов определить?

— Заметь, не я это сказал... Ты сама сейчас это сказала, Ань...

— Да пошел ты! Знаешь куда?

— И куда же?

— С глаз моих подальше, вот куда...

— Прямо сейчас?

— Да! Прямо сейчас! Немедленно!

Разговор происходил в мамином доме, аккуратно в тот день, когда маму привезли из

ВЕРА КОЛОЧКОВА

больницы. Слава богу, она спала и ничего не слышала. Может, и не спала...

— Ты действительно хочешь, чтобы я сейчас уехал? — упрямо переспросил Ромочка, глядя на нее как-то слишком уж злобно.

— Да, хочу. Уезжай. Тебе ж на работу завтра.

— Так и тебе на работу...

— Нет. У меня в школе каникулы. Я договорилась, что меня на этой неделе не будет.

— А потом? Что потом будешь делать?

Она так глянула на него, что Ромочка сник и опустил глаза. Посидел за кухонным столом еще немного, сжимая в пальцах пустую чайную чашку, потом поднялся со стула, проговорил деловито:

— Ладно, поехал я... Мне утром на работу и впрямь нельзя опаздывать. Ты же знаешь, как у нас с этим строго. И не обижайся на меня, Ань... Сама подумай, что ты от меня хотела услышать? Чем я тебе помогу в этой ситуации? Не обижайся, ладно? И вообще, держись... Все равно что-нибудь придумается, найдем какой-то выход, обязательно найдем... А я тебе позвоню завтра, договорились? И ты тоже звони... В любое время звони...

Не дождавшись ответа, повернулся, шагнул за порог. Вскоре она услышала, как со двора выехала машина. Выглянула в окно, усмехнулась горько — даже ворота за собой не закрыл... Так торопился сбежать в свою привычную жизнь. Вот и сбежал...

Зимняя рябина

Так она и осталась с мамой в Снегирях. Сначала думала — временно. Мол, действительно придумается что-нибудь да как-нибудь, или Ромочка одумается и приедет за ними, и все вместе в город переберутся...

Не приехал Ромочка. И не придумалось ничего. Так и побежали дни, складываясь в недели, в месяцы, в годы... Поначалу она пыталась все-таки жить на два дома, металась и разрывалась между городом и Снегирями, а потом вдруг поняла, что у Ромочки кто-то появился. Причем весьма банально поняла — нашла под кроватью чужую помаду, яркую такую, нагло-красную. И ничего у мужа спрашивать не стала — зачем? И так все ясно. И ездить сюда больше незачем...

Неправильно это было, наверное. Такую тихую гордыню включать — неправильно. Надо было как-то по-другому свое семейное счастье отстаивать. С кулаками. С чувством собственного достоинства. Да только как? Каким таким образом? Выгнать Ромочку к чертовой матери из квартиры — иди к этой своей, мол, которая губы алой наглой помадой красит? Но как его выгонишь из его же квартиры? Он в ней родился, в ней родители его жили, пока в автомобильной аварии не погибли... Потом он с бабушкой тут жил, она его вырастила... Ромочкина квартира, тут и говорить нечего. А она здесь пришлая, выходит. И права ни на что не имеет. Только и остается — гордо уйти в сторону.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Она и ушла. Уволилась из городской школы, окончательно перебралась в Снегири. Три года уже как с мамой живет... В местную школу работать пошла, место учителя русского языка и литературы освободилось, молодая специалистка на него после летнего отпуска не вернулась. Такая вот судьба... Как сложилось, так и сложилось, ничего не поделаешь.

Да и не кляла она свою судьбу. Достоинно ее приняла, с легкостью. Наверное, поняла в одночасье, что и не любила Ромочку никогда... Если б любила, страдала бы, ночами в подушку плакала. А как иначе? Любовь, она же слепой не бывает, она же из поступков складывается. Трудно любить того, кто тебя предал. Простить можно, а вот любить... Это уж, извините, не получается.

И за мамой она ухаживала не с тоской, а с радостью. Потому что долги надо отдавать с радостью, а не с досадой. Мама ж ее одна растила, трудно ей было. С любовью растила, с полной самоотдачей. Она всегда это чувствовала и тоже маму любила. А когда любишь, долг отдавать легко. Такой вот круговорот любви получается, что ж... Тебе любовь отдают, потом ты в ответ отдаешь... От сердца отдаешь, с радостью. Если ты эту любовь в себе чувствуешь, то потери в личной жизни уже не так горько воспринимаются. Нет, это беда, конечно, что личная жизнь прахом пошла — кто спорит? Но и не беда-беда по большому счету...

Зимняя рябина

В последнее время она почему-то все чаще об этом думала и лишний раз убеждалась в том, что судьба для всего свое время определяет. Время принимать любовь и время отдавать любовь. Иногда отдавать даже приятнее получается, чем брать... А еще она поняла за эти годы, что за мамой ухаживала, как сильно ее всегда любила. И какое это большое счастье на самом деле. Между прочим, не всем так везет это понять! Многие свой долг перед родителями за большое проклятье считают и не устают при этом небеса вопрошать: за что, мол, такое, за что?

Да ни за что, господи. Затем, что так надо. Так положено. И все тут. Тебя любили, тебе отдавали, и ты люби и отдай. Все же просто на самом деле... Возьми да глянь на себя с другой стороны, и поймешь. То и поймешь, какой ты везучий, что можешь долги отдать. Что судьба тебе такую шикарную возможность подарила...

А у Ромочки в городе быстро другая жизнь наладилась. Можно сказать, забила буйным ключом. Однажды Матвей приехал взбудораженный, выложил ей подробности новой Ромочкиной жизни. Сидел за столом, повторял возмущенно:

— Ну как ему не стыдно, мам, а? Как он мог, не понимаю? Ведь знал же, что я тебе все расскажу... Ему что, на тебя совсем наплевать, мам?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Погоди, Матвей... Успокойся, во-первых. Во-вторых... Расскажи, что там у вас такое произошло.

— Да мне и рассказывать об этом стыдно, мам! За отца стыдно! Представляешь, прихожу я из института, открываю своим ключом дверь... А он в квартире не один! Там эта мадам... Сидит на кухне в твоём халате... Еще посмела и твой халат на себя напялить, представляешь? Я прям обалдел... Стою, смотрю на нее во все глаза... На отца смотрю... А он хоть бы бровью повел, тоже стоит в дверях, улыбается! Познакомься, говорит, сынок, это Марина... Теперь она будет жить с нами...

Матвей захлебнулся своим возмущением и даже чуть не заплакал, как ей показалось. И непонятно было, как и что ему сказать. Тут бы и самой не расплакаться от таких новостей, удержать себя в спокойном достоинстве. Трудно, конечно, а надо...

— Мам, я растерялся... Не знал, что отцу сказать. Просто повернулся и ушел к себе в комнату. Надо мне было эту Марину взащей выгнать, да? Ты так считаешь? Но ведь не драться же мне с отцом, правда?

— Конечно, сынок. Успокойся. Ты бы ничего не смог сделать, что ты. Если он так решил...

— Я тебе сейчас делаю больно, мам, да?

— Ничего, я перетерплю. Я же сама решение такое приняла — вместе с бабушкой

Зимняя рябина

остаться. Она ведь моя мама, я не могла поступить иначе... А в том, что твой отец так себя повел, ни я, ни ты не виноваты. Это тоже его выбор, получается. Кто-то может быть рядом в беде, кто-то не может и предает. Кто-то умеет летать, а кто-то может ползать...

— Да, мам, я понимаю. И я на твоей стороне, ты знай.

— Спасибо, сынок.

— Да ладно, какое там... Я вот что для себя решил, мам. Я буду приходить домой и закрываться от них в своей комнате, чтобы ни эту бабу, ни отца в упор не видеть. Устрою им полный игнор. Да уже и устроил, в общем... Три дня с отцом не разговаривал, пока он на меня не наорал...

— Наорал? За что наорал?

— Ну... Вроде эта Марина ему пожаловалась... Что ей вроде как некомфортно. Да, мам, да, ей еще и комфорта захотелось при таком раскладе! И как она это себе представляет, интересно? Что я буду с ней на кухне чай распивать да мило общаться? Я так отцу и сказал — не жди, не будет этого никогда...

— А он тебе что ответил?

— Да захныкал, как маленький... Вроде того, что он тоже ни в чем не виноват, что ты сама его бросила... Я ему говорю — как же бросила-то? Не бросала тебя мама, она за бабушкой ухаживает, и ты это прекрасно знаешь! А он опять лепечет в ответ всякую

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ерунду... Мол, я пока не могу обо всем этом рассуждать как взрослый мужик... Мол, когда вырастешь, тогда поймешь. Хорошая фраза, да, мам? Вырастешь и поймешь? Да что тут надо понимать, интересно?

— Ты слишком категорично настроен, Матвей. Не надо так. Не забывай, что он твой отец.

— И что, теперь ему все можно, если он отец? — пуше прежнего взвился Матвей, глядя на нее обиженно. — Почему он со мной разговаривает как с мальчишкой? Я давно уже не мальчишка, я взрослый мужик! А он... Что-то там на тему физиологических потребностей объяснять начал... Да я даже слушать его не стал, мам! Просто на следующий день замок в свою дверь врезал. Хороший такой замок, капитальный. Дал ему понять, что у меня теперь своя жизнь, от него отдельная.

— И что, даже на кухню теперь не выходишь?

— Не-а. Не выхожу.

— А завтракаешь как? А ужинаешь?

— В нашей столовке, где я работаю, нормально готовят, мам. Я не хожу голодным, не переживай. Да и Вика меня все время подкармливает...

— Вика — это кто?

— Это моя девушка, мам. Она классная, я тебя потом познакомлю...

— Она учится или работает?

Зимняя рябина

— Учится. В том же институте, где я учился. Мы познакомились, когда она еще абитуриенткой была. Теперь она первокурсница, в общежитии живет. И вот что я подумал, мам... Ей трудно там, в общежитии. Она такая... Домашняя вся. Деловая, смелая, но домашняя. И если уж такой расклад вышел, то я решил Вику к себе забрать.

— Куда — к себе?

— Ну, в свою комнату! Будем жить вместе... А что? Нормально... Это же моя комната! Если отец эту Марину в дом привел, то почему я не могу привести Вику? А она, между прочим, такая, ей палец в рот не клади! Она еще покажет этой Марине, кто в доме хозяин! То есть хозяйка...

— Ой, Матвей... Даже не знаю, что тебе и сказать... Выходит, ты хочешь привести в дом свою девушку в пику отцу? Но ведь так не должно быть, сам понимаешь...

— Да все я прекрасно понимаю, мам! И не в пику вовсе! Я Вику люблю... У нас с ней все хорошо, правда. Просто так совпало, что немножко как бы... И впрямь назло отцу...

— Ой, не знаю... Может, ты лучше к нам в Снегири переедешь?

— Да как же, мам? Я только-только на работу устроился, еще не закрепился даже как следует, на испытательном сроке сижу! А здесь... Где я здесь работать буду? Дворником у тебя в школе?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну, нашел бы работу... Не такая уж глухомань наши Снегири.

— Не, мам... Да и Вика сюда не поедет... Как она учиться-то будет, сама подумай? И вообще, нельзя так делать! Иначе получится, что отец нас с тобой обоих из квартиры выставит, а сам будет жить в свое удовольствие! Он нас по одной щеке ударил, а мы ему другую подставим? Ну уж нет... Не бывать этому... Посмотрим еще, кто кого!

— Нельзя воевать с отцом, сынок... Нельзя, понимаешь?

— А я и не собираюсь воевать с ним. Я только хочу ему показать, что со мной такой номер не пройдет. Хватит того, что он с тобой так поступил. Тебе трудно, ты вынуждена в Снегирях с бабушкой жить, а он... Никогда этого ему не прощу, никогда!

Она только вздохнула — ну что тут скажешь? Приятно, конечно, что сын за нее так переживает, а с другой стороны... Страшно эти жестокие слова слышать — никогда не прощу. Слова, обращенные к родному отцу. Не должно ведь так быть, не должно...

Следующим утром она провожала его на автобус. Денег дала. Все, что было в кошельке, до копейки. Когда вернулась домой, мама спросила тихо:

— Что, опять Матвейке деньги сунула, да?

Она только кивнула молча, подумав про себя: какое противное это слово — «суну-

Зимняя рябина

ла». Что-то есть в нем такое — уничижительно-грустное. Хотя и впрямь — ничего веселого в сложившейся ситуации нет...

— Ну чего ты скисла, Ань? Сунула ему денег, вот и правильно! — будто извиняясь, быстро проговорила мама. — Надо ведь парню жить как-то, правда? И на девушку тратиться надо, сама понимаешь. А мы с тобой проживем, не помрем с голодухи... Мне пенсию через три дня принесут, проживем как-нибудь!

Тогда у мамы настроение бодрое было, и голос по-другому звучал. А сегодня... Сегодня скисла вдруг, о смерти заговорила. И даже новость о скором приезде Матвея ее не обрадовала. И у нее тоже в этот вечер все из рук валится... Слава богу, с ужином справилась кое-как, можно нести в комнату, маму кормить...

— Ань! Ты чего там закопошилась? Где у тебя ужин-то? — будто услышав ее мысли, спросила из комнаты мама.

— Сейчас, мам... Все готово, несу уже...

Придвинула стол к маминой кровати, поставила перед ней тарелки с едой. Сама уселась напротив, проговорила почти весело:

— Я такая голодная, мам! С утра ничего не ела. Да еще и на улице похолодало... Еле домой дошла!

Казалось, мама ее не слышала вовсе, по-прежнему сидела, глядя в окно. Потом произнесла тихо:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, холодно сегодня... На Покрова всегда холодно бывает. Вот и еще одна зима пришла...

— Да не зима еще, мам! То есть... Не совсем зима. Ешь, а то остынет...

— Нет, Нюлочка, недалеко до зимы, я знаю. И еще знаю, что не будет у меня этой зимы. Помру я скоро, Нюлочка. Это я к тому говорю, чтобы ты готова была...

— Ну ма-а-а-ам... Ну что ты опять... — жалобно произнесла она, подавшись вперед всем корпусом. — Не надо, мам, ну пожалуйста...

— Не хнычь. Что ты хнычешь, как маленькая. Давай-ка лучше пластинку поставь. Послушать хочу.

— Какую пластинку?

— А сама знаешь, какую. Мою любимую.

— Сейчас поставлю...

Поднялась из-за стола, направилась к проигрывателю, примостившемуся на тумбочке в углу комнаты. Старый был проигрыватель, почти раритетный. Сколько раз они с Ромочкой, помнится, предлагали маме — давай новый купим, современный! А она — ни в какую... Это, говорит, из моей жизни вещь, я к ней привыкла. Да и зачем новый покупать, если этот еще прекрасно работает?

Пластинка быстро нашлась, та самая, мамина любимая. Тоже, можно сказать, раритетная. Тяжелая, с красным бумажным кругом вокруг дырочки. С детства она помнила эту пластин-

Зимняя рябина

ку, помнила наизусть, что на этом красном круге написано. «Концерт Государственного хора русской народной песни под управлением А. В. Свешникова». А после этой надписи названия песен идут. Мамина любимая вторая по счету — «Не корите меня, не браните...»

Пластинка ловко села на свое привычное место, игла угадала пространство меж первой и второй песнями. После короткого шороха послышалась мелодия вступления, и сильный женский голос властно поплыл по комнате:

Не корите меня, не браните,
Не любить я его не могла;
Полюбивши же, все, что имела,
Все ему я тогда отдала...

Никогда, никогда она до конца не понимала, что мама нашла для себя в этой нехитрой песенке, какие такие потаенные силы? И тем не менее... Всегда, когда слышала это вступление, будто преображалась враз, и лицо светлело и разглаживалось, и глаза начинали блестеть, и даже согбенная временем спина выпрямлялась будто... Чудеса, да и только! Наверное, все же какие-то хорошие воспоминания просыпались и оживали — те самые, из прошлой жизни. Может, мама о муже своем вспоминала... То есть об отце ее, которого она никогда не видела. Как ни выспрашивала маму о нем, ничего толком так и не вызнала. Была, была тут какая-то тайна... Может, эта

ВЕРА КОЛОЧКОВА

самая тайна и вызывала в маме такие чудесные преобразования, когда лилось по комнате это горестно-эмоциональное «не корите меня, не браните»?

Слова второго куплета мама всегда подхватывала фальцетом, выпевала их громко, с чувством:

Посмотрите, что стало со мною,
Где девалась моя красота?
Где румянец, что спорил с зарею,
Где волнистых волос густота?

Помнится, в детстве ей очень хотелось поправить маму, вставить свое недовольное словцо — неправильные, мол, у песни слова-то, мам! Нельзя так говорить — где девалась моя красота! Надо говорить — куда девалась...

Хотелось, но так и не поправила ни разу. Чувствовала, что не надо. Потому что в данном конкретном случае оно так и было — где девалась моя красота. Вот и сейчас... Глянула на маму и обомлела — какая она красивая все-таки! Несмотря на немощь и старость — красивая! И вся звонкая такая... Будто сейчас подскочит с кровати, поведет плечами, запоет еще громче... Посмотрите, мол, как мне моя старость к лицу!

Не подскочит, к сожалению. И даже просто не встанет. Три года уж не встает...

Пластинка кончилась, игла зашипела на ее пустом поле жалобно. И мама тут же сникла, отвернулась к окну, снова проговорила тихо:

Зимняя рябина

— Помру я скоро, Нюрочка... И не спорь со мной, не сердись. Ты ж знаешь, что я не люблю болтать попусту. И потому мне бы поговорить с тобой надо, Нюрочка... Рассказать все, как есть...

— О чем рассказать, мам? — спросила она осторожно.

— Да об отце твоём рассказать... Помнишь, как ты в детстве все у меня выспрашивала про отца-то? А я отмалчивалась... Вот, пришла пора, стало быть.

— Но он... жив, мам?

— Надеюсь, что жив. Я и сама этого не знаю. Но сердцем чувствую — жив пока...

— Почему пока?

— Да сама не знаю, чего это мне взболтнулось. Хотя... Как ты там по-умному говоришь? Что-то про нужную оговорочку...

— Оговорочка по Фрейду? Ты это имеешь в виду?

— Во-во. По этому самому Фрейду и есть, стало быть. Не знаю, что за мужик, но, видать, шибко был умный, зараза. Правильно все определил: что язык сболтнул не подумавши, то на самом деле и обстоит. Если сказала — жив пока, значит, пока и есть. Значит, тоже скоро помрет... Может, у нас на роду так написано, как в сказке... Счастливо жили, мол, и умерли в один день...

— Но как же — счастливо жили... Если вы с отцом и не жили... Как так-то, мам?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А вот так, Нюрочка. Об этом и хочу тебе рассказать. Пришло время... И не перебивай меня, просто сиди и слушай.

— Да я слушаю, мам, слушаю...

И в такой важный момент — стук в дверь! Как же некстати! И у мамы на лице досада видна, и голос прозвучал грустно-насмешливо:

— Иди... Опять твой кавалер заявился, наверное. Вот же, и поговорить не дал, шельмец...

— Он не шельмец, мам... Он добрый хороший человек. Просто всегда и везде бывает некстати. Так получается почему-то. Сама не знаю, почему...

— И все равно — не люблю я этого твоего! Не лежит душа. И все тут! Уж прости, говорю как есть!

Она и сама знала, что мама недолюбливает ее коллегу — школьного учителя физики Николая Николаевича. И это немудрено было, потому что любить, по большому счету, этого человека было трудно. Слишком уж скучен был. Зануден. Как мама про него говорила — тот самый, который из футляра. Она ееправляла:

— У Чехова рассказ называется «Человек в футляре», мам. Но тут я с тобой не согласна, вовсе Николай Николаевич на чеховского Беликова не похож... Скорее он на Ипполита Ипполитовича похож. Помнишь, я тебе читала рассказ того же Чехова «Учитель словесности»?

Зимняя рябина

— Помню, помню... Это который либо молчал, либо говорил о том, что и без него все прекрасно знают. Волга впадает в Каспийское море, лошади кушают овес и сено?

— Ну и память у тебя, мам...

— Так слава богу, из ума не выжила еще! Ноги не ходят, потому все силы в голову идут! Иди и открывай дверь своему Ипполиту Ипполитовичу, заждался уже, наверное. Кавалер...

Николай Николаевич и впрямь проявлял к ней неуклюжий интерес. И все в школе это давно поняли. И ожидалось, что они вроде как должны и обязаны теперь «соединить в одно целое одинокие судьбы», как высокопарно выразилась однажды директриса Нелли Максимовна. И завуч Александра Антоновна ее в этом поддерживала и не раз намекала ей, что давно пора взять инициативу в свои руки. Потому что сам Николай Николаевич никогда не осмелится сделать решительный шаг.

Да только не собиралась она ничего такого делать, конечно же... Просто сказать об этом напрямую Николаю Николаевичу тоже не осмеливалась — не хотелось обижать доброго человека.

Открыла дверь, улыбнулась ему приветливо:

— Добрый вечер, Николай Николаевич! Заходите! Может, поужинаете с нами?

— Нет, спасибо, я сыт... — благодарно улыбнулся Николай Николаевич, снимая с шеи те-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

плый шарф и аккуратно складывая его на полочку. Потом так же аккуратно стянул с ног ботинки, наклонился, поставил их в сторонке рядышком. Куртку повесил на плечики, тоже очень аккуратно пристроил одежду в шкаф.

Эта аккуратность была раздражающе занудной, хотя, казалось бы, что в этом плохого? Но... Столько значения при этом придавалось каждой детали, что напрочь отпугивало от мысли о «соединении в одно целое одиноких судеб». И почему, интересно, для этого потенциального «соединения» Николай Николаевич выбрал именно ее? Ведь были же еще претендентки, гораздо более покладистые и терпимые к недостаткам. Да это ведь и недостатками назвать трудно! Такая излишняя аккуратность многим даже понравилась бы!

— Тогда, может, чаю с нами выпьете, Николай Николаевич?

— С удовольствием, Анна Павловна... Чаю — с удовольствием... Холодно сегодня, да. Зима начинается. Хотя ноябрь считается по календарю еще осенним месяцем. Но у нас на Урале в ноябре уже снег лежит, поэтому вполне можно говорить о начале зимы.

Она усмехнулась про себя, вспомнив, как только что они с мамой вспоминали чеховского Ипполита Ипполитовича. Который всегда либо молчал, либо говорил то, о чем и без него все прекрасно знают. Дался же ей этот Ипполит Ипполитович... Не надо бы обижать

Зимняя рябина

бедного Николая Николаевича — даже в мыслях! В конце концов, он ничего плохого ей не сделал...

Николай Николаевич медленно прошел в комнату, поздоровался с мамой, склонившись почтительно. И в этой почтительности, слегка излишней, тоже было что-то раздражающее, хотелось разбавить это ощущение чем-нибудь веселым и несуразным. Или хотя бы расшевелить человека на живое общение... Ну нельзя же быть таким сухим и скучным, ей-богу!

— А чай мы будем пить с медом, Николай Николаевич! Вы любите мед, надеюсь?

— Да. Мед очень полезен для организма, Анна Павловна. Там много витаминов и микроэлементов. Особенно в зимний период полезно пить чай с медом.

— Да вы что? Неужели правда? — чуть ехидно спросила мама, покачивая головой. — Неужели, как только на улице холодать начинается, там сразу больше этих самых микроэлементов проклевывается?

— Да нет... Не в том дело... Просто организму они становятся более необходимы...

— Ну, тогда понятно, что ж... — со скрытым сарказмом проговорила мама, коротко глянув на Николая Николаевича. — Тогда все понятно...

Пришлось глянуть на нее умоляюще — не надо, мам... Оставь человека в покое. Он же не виноват, что именно так устроен...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Потом сидели, пили чай молча. Николай Николаевич аккуратно подхватывал из розетки мед, медленно тянул ложку ко рту, потом аккуратно прихлебывал чай из чашки. Лицо у него при этом было весьма задумчивым, казалось, он в этот момент выстраивает по ранжиру все нужные витамины и микроэлементы, поступающие в его организм. Оставалось только надеяться, что это чаепитие надолго не затянется.

Вот Николай Николаевич доел мед из розетки, отодвинул от себя пустую чайную чашку, вздохнул, сложил перед собой руки. Они были похожи на женские — такие же белые и гладкие. Посмотрел на маму, будто собирался что-то сказать... И тоже, как мама, отвел взгляд к окну. И только тогда проговорил тихо, будто заискивая:

— Да, Софья Григорьевна, красивый у вас вид из окна... Рябина красная, много рябины... Только ведь она свет с улицы заслоняет, я думаю. Надо бы срубить лишние деревца...

— Еще чего — срубить! — возмущенно ответила мама, отворачиваясь от окна. — Что вы такое говорите — этакую красоту, да срубить! Я ж всю зиму люблюсь, как мне эта рябина в окошко оранжевыми солнцами светит! Еще чего...

— Так ведь все равно птицы склюют... — нерешительно добавил Николай Николаевич.

Зимняя рябина

— Ну, склюют чуток... И пусть... Им ведь тоже есть хочется, птицам-то. А мне и не жалко, пусть!

Видимо, услышал что-то Николай Николаевич для себя неприятное в мамином голосе. Вызов какой-то. Мол, погостил немного, мил человек, попил чайку с медом, хватит с тебя. Пора и честь знать. Вот бог, вот порог...

Улыбнулся неловко, вставая из-за стола, проговорил тихо:

— Да, засиделся я у вас... Спасибо за чай, было очень вкусно. Домой пойду. Скоро по первому каналу программу «Время» будут транслировать, не опоздать бы. Я каждый вечер перед сном программу «Время» смотрю.

— Ну да, ну да... Как же можно уснуть, про все новости в родном государстве не узнавши? — покивала головой мама, не пытаясь скрыть иронии в голосе. — Без наших новостей и сон человеку не сон... Вдруг чего важное случилось, а он знать не будет? Вдруг без него свершится чего?

Николай Николаевич ничего не ответил, молча развернулся, пошел к двери. Одевался медленно и основательно, даже, можно сказать, задумчиво. И вдруг проговорил, тихо вздохнув:

— Не любит меня ваша мама, Анечка Павловна, ох, не любит... И сам не понимаю, за что. Хотя и понимаю, кажется... Она просто ревнует, наверное. Чувствует с моей стороны

ВЕРА КОЛОЧКОВА

опасность, вот и не жалуется... Скажите, я немножечко прав, да?

— Ну что вы, Николай Николаевич... Не обижайтесь на маму, пожалуйста. Просто у нее характер такой...

— Да я и не обижаюсь, что вы. Просто... Я хотел вам сказать... И даже не сказать, а... Как бы это выразиться, слов не подберу...

— Ну, когда подберете слова, тогда и выразитесь, — улыбнулась она, открывая дверь. — А сейчас... Всего вам доброго, Николай Николаевич.

— Нет, погодите... Я хотел не сказать, я пригласить хотел... На ужин завтра вас пригласить. Ведь вы даже ни разу в гостях у меня не были, не видели, как я живу. Вот я и хотел... Завтра... Завтра ведь суббота, все люди отдыхают и в гости друг к другу ходят...

— А вот как раз завтра я и не могу, Николай Николаевич. У нас с мамой по субботам банный день. Сами ж знаете, какая это морока — баню топить. Мы с соседкой по очереди свои бани топим, у нее тоже мама привыкла по субботам к банному дню, вот мы и кооперируемся. Так что извините, никак не могу...

Николай Николаевич поморщился слегка досадливо — то ли от ее отказа, то ли от подробностей банного дня. Выходит, испортила она ему заготовленную заранее романтику. Как нынче говорят — обломала.

Зимняя рябина

— Может, тогда в воскресенье, Анна Павловна? В воскресенье у вас нет банного дня?

— А в воскресенье ко мне сын приезжает... Мне с ним побыть надо... Нет, в воскресенье тоже не могу, простите.

— Ну ладно, что ж... Тогда в другой раз... До свидания, Анна Павловна. Пойду я.

— До свидания, Николай Николаевич. Всего вам доброго. Может, вас проводить? Собаки не испугаются?

— Да нет, ваша собака даже из будки не выскочила, когда я по двору шел.

— Плохо дело, значит... — тихо себе под нос пробурчала она, закрывая за ним дверь.

Все-таки сдал Милорд, все-таки помирать собрался. Старый уже. Но лучше не думать об этом сейчас, не время сейчас, не время... Потом она к нему выйдет, когда мама спать уляжется. Потом...

Мама сидела за столом надутая, по-прежнему смотрела в окно. Увидев ее в дверях, проговорила сердито:

— Ишь, чего предложил твой поганец — рябины срубить! Гляди-ка, командует в чужом дому! И ходит сюда, и ходит... Чего ходит-то, чего потерял? Иль тебе нравится, что он ходит? Ты, Анята, скажи, я ведь все пойму, я возражать не стану, если... Если ты и впрямь надумала с ним свою жизнь связать...

— Да ничего я такого не надумала, мам! С чего ты взяла?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Мама будто и не услышала ее вопроса, продолжала упорно гнуть свою линию:

— Может, и впрямь так надо... Может, есть в этом своя недолга. Какой-никакой, а мужик под боком на старость. Годы ведь назад не повернешь, а одинокая старость, она тоже, наверное, не сахар... Не всякой бабе она по плечу... Правильно я тебя угадала, Анюта? Есть такие мыслишки в голове, признавайся?

— Да ну тебя, мам... Скажешь тоже! Да я ж с тоски помру, ты что! Издеваешься?

— И то верно... Не пара он тебе, точно с тоски помрешь. Нет уж, другого тебе мужика надо, совсем другого. Чтоб душа у него живой да гибкой была, а не как у этого, сухой деревяшкой. Чтоб мир вокруг себя видел... Вот я помру, предстану перед Господом, да и попрошу у Него, чтоб тебе такого мужа послал. Да, да, так Ему скажу — не надо мне для себя ничего, а доченьке моей дайте, не обойдите милостью! Чтобы любила мужа посланного, чтобы он ее любил...

— Да какого мужа, мам... — отмахнулась она досадливо. — Была я уже замужем, любила, хватит с меня... Тоже ведь думала, что если я люблю, то и меня любят...

— А ты не вспоминай больше своего Ромку, ну его к лешему! Вишь, какой оказался приспособленец! Вот погоди, захочет еще покусать локоток, да не получится... Вот будет у тебя другой, тогда и пожалеет!

Зимняя рябина

— Да не будет никакого другого, мам... Ну откуда он возьмется, сама подумай? Наши поселковые возрастные женихи все известны наперечет... Николай Николаич из всех и есть самый достойный, пожалуй.

— Его, что ль, хочешь?

— Да нет же, говорю тебе! Это я к тому, что я никакого чуда и не жду, знаю, что никого у меня не будет.

— А я говорю — будет! Уж я попрошу от души, от сердца! Когда там буду... Вот как предстану, так и попрошу. Мне есть что от себя предъявить... Давний должок стребую. Есть должок, есть, уж я так понимаю. Скоро уже и стребую...

— Мам, ну перестань, правда! Что у тебя сегодня за разговоры такие?

— Да нормальные разговоры... А чего ты сердисься, не пойму? Чего противишься? Почему бы тебе за хорошего человека замуж не пойти? Ты у меня какая... Загляденье, а не баба. Как та рябина за окном — чем злее морозы, тем она ярче да вкуснее становится. Так и ты...

— Хм! Надо же, какой ты мне красивый комплимент отвесила, мам! Сравнение-то какое поэтичное... Спасибо...

— Да на здоровье! Если это правда, так что ж теперь?

— Мам... Ты вроде рассказать мне что-то хотела...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Я хотела?

— Ну да... Сказала — про отца моего рассказать пора...

— Ой, да ну... Что-то настроение пропало, Анют. Этот твой... Который в футляре... Ушел и все настроение с собой унес. Потом поговорим, ладно? Я ж сегодня еще помирать не собираюсь. Включи-ка лучше телевизор, я сериал досмотрю, чем там все дело кончилось.

— Хорошо, мам... А я тогда к Еве схожу, насчет бани договорюсь. Завтра ее очередь баню топить, в прошлую субботу в нашей бане мылись.

— Иди, что ж... Матери ее, Любке полоумной, от меня привет передавай. Хотя чего толку ей приветы передавать, все равно Любка давно никого не помнит и не узнает... Это тебе еще повезло, что я у тебя в здравом уме пребываю. А то бы тоже, как Евка, судьбу свою каждый день кляла. Кстати, чего ты Евой ее зовешь, если она никакая не Ева, а как есть Дунька?

— Она ж Евдокия, мам. Значит, Ева. Она обижается на Дуньку. И ты ее так не называй, пожалуйста.

— О как... Обидчивые обе какие. Одну Ньюрой не смей назвать, другую Дуней... Кстати, не забудь Дуньке сказать, чтобы баню шибко не топила! А то нашпарит опять, не продохнуть...

— Скажу, мам. Только не Дуньке, а Еве скажу. Я ж тебя попросила ее так больше не называть.

Зимняя рябина

— Ладно, не буду. Жалко мне, что ли. Если она сама себя Евой зовет, пусть Евой и будет. Она ж не виновата, что мать ей такое имя придумала — Евдокия... Я еще тогда Любке говорила, когда она на сносях ходила: радуйся, глупая, что доченька у тебя будет... Хоть и нечаянная, неожиданная, без отца будет расти... А она вон что учудила, Любка-то! Евдокией дочку из вредности назвала! Чтобы и по жизни той Дунькой шла... Так все и сложилось у девки, что ж. Дунька... она и есть Дунька. И судьба у нее Дунькина.

— Мам, ну перестань...

— Ладно, ладно, больше не буду. Иди к своей подружке, иди, коль собралась... Обе вы горемычные, по рукам и ногам связанные... Я-то скоро помру, а Любка еще до-о-олго из Дуньки будет все соки тянуть. То бишь из Евы, прощенья просим...

* * *

Идти было недалеко, дом школьной подруги находился по соседству, только через лазейку в заборе нырнуть. Пока шла по двору, задумалась вдруг: а все же подруга Евка или просто соседка? И не поймешь... Да и нет, наверное, никакой разницы. Иногда люди живут с соседями многие годы бок о бок, не задумываются о степени близости. Оно ж все рядом, в шаговой доступности! Все признаки

ВЕРА КОЛОЧКОВА

дружбы налицо — и денег в долг попросить, и в жилетку всплакнуть, и своим сочувствием щедро поделиться, если надо. Вот и Евка, получается, ей не чужая. И соседка, и подруга в одном флаконе. Родились в один год, выросли вместе, в школу ходили вместе, даже за одной партой сидели. Хотя, если так посмотреть... Они такие с Евкой разные! И по характеру, и по привычкам... Если бы не жили по соседству, то вряд ли их дружба сложилась бы. Вот и рассуждай после этого — подруги они или нет...

Да и зачем о таких пустяках рассуждать? Все равно что воду переливать из пустого в порожнее. Как бы там ни было, а Евка на сегодняшний день для нее близкий человек, ближе некуда. Может, потому, что оказались со своей проблемой обе один на один. То есть перед отдачей дочернего долга — лицом к лицу. Правда, надо признать, что Евкин долг с ее долгом и не сравнить. Она-то с радостью его несет, а Евка из сил выбивается. Может и сломаться. Да и она бы сломалась на ее месте, давно бы сломалась...

Евкина мать, тетя Люба, свою дочь никогда особо не жаловала, об этом все знали. Она и рожать ее не хотела, как мама рассказывала. Да, она такая была, эта самая Люба... Странная с молодости. А к старости эта странность облеклась в более тяжкие формы, так что Евке доставалось по полной программе.